

I

Я всегда считал себя везучим. Не в том смысле, что вдруг по наитию угадывал выигрышные числа в лотерее и срывал многомиллионный куш или на считанные секунды опаздывал на самолет, который потом разбился со всеми пассажирами. Я лишь хочу сказать, что обычные житейские неурядицы меня как-то миновали. Надо мной не измывались в детстве, меня не травили в школе, родители мои не развелись, не умерли, не спились, не скололись, а если и ссорились, то по мелочам; ни одна из моих девушек, насколько мне известно, ни разу мне не изменила, не бросила без объяснений в одночасье; я никогда не попадал под машину и не болел ничем серьезнее ветрянки — мне даже брекететы носить не пришлось. Не то чтобы я много об этом думал, но когда мне в голову вдруг пришла эта мысль, я испытал удовлетворение от того, что все в моей жизни складывалось как надо.

К тому же у меня был Дом с плющом. Даже теперь меня вряд ли кто разубедит, что Дом с плющом — настоящая удача. Я понимаю, что не все так просто, я как никто знаю все причины до мельчайших зазубренных деталей, могу выстроить их узорами, броскими, как руны черных сучьев на снегу, чтобы, глядя на них, в конце концов почти поверить в собственную правоту; но достаточно знакомого запаха — жасмина, лапсанг сушонга, того особого старомодного мыла, названия которого я так и не узнал, — или косо́го луча послеполуденного солнца, падающего под определенным углом, и я снова теряю голову, завороженный.

Недавно я даже позвонил двоюродным брату с сестрой, чтобы поговорить об этом, — накануне Рождества перебрал глинтвейна на каком-то богомерзком корпоративе, иначе ни за что бы

не позвонил, ну или как минимум не стал бы спрашивать у них ни мнения, ни совета, ни чего мне там приспичило узнать. Сюзанна недвусмысленно дала понять, что вопрос дурацкий: “Ну разумеется, нам повезло. Дивное было время, — и добавила, когда я примолк: — Если ты все о том же, то я бы на твоём месте (ножницы проворно и долго стригут бумагу, на заднем плане весело заливаются хор мальчишек, сестра заворачивает подарки) давным-давно постаралась обо всем забыть. Я понимаю, проще сказать, чем сделать, но правда, Тоби, столько лет прошло, зачем опять в этом копать? А впрочем, как знаешь”. Леон же сперва искренне мне обрадовался, но потом сразу напрягся: “Мне-то откуда знать? И кстати, раз уж ты позвонил, я все равно собирался тебе писать, думаю приехать домой на Пасху, ненадолго, ты будешь...” — тут я вспыхнул, потребовал ответа на вопрос, хотя прекрасно знал, что с Леоном этот номер не пройдет: он притворился, будто связь прервалась, и повесил трубку.

И все же, все же. Это важно, даже, пожалуй, — насколько я теперь понимаю — важнее всего прочего. Я лишь недавно задумался о том, в чем же именно заключается везение, до чего оно гладко и восхитительно-обманчиво, какие безжалостные изгибы и узлы скрывает его изнанка, какие смертельные опасности в нем таятся.

Тот вечер. Любой рассказ можно начать с чего угодно, и я прекрасно понимаю, что прочие участники этой истории поставили бы под сомнение мой выбор, — буквально вижу, как кривит губы Сюзанна, слышу, как насмешливо фыркает Леон. Да что уж: для меня тот вечер стал поворотным моментом, изъеденным ржавчиной засовом на двери, разделяющей “до” и “после”, подставленным украдкой волшебным стеклышком, из-за которого все, что по эту сторону, приобретает мутный оттенок, а по ту — сияет так мучительно близко, нетронутое, неприкосновенное. Чушь, конечно, — к тому времени череп давным-давно покоился в расщелине, и тем летом его все равно обнаружили бы, — но в глубине души я, вопреки всякой логике, верю, что без того вечера ничего бы этого не случилось.

Поначалу все складывалось неплохо, можно даже сказать, как нельзя лучше. Та апрельская пятница стала первым по-на-

стоящему весенним деньком, и я сидел в пабе с двумя лучшими школьными друзьями. “У Хогана” было оживленно, по случаю наступившего тепла все расслабились, девушки распустили волосы, парни закатали рукава рубашек, смех и гул голосов почти заглушали бодрое регги, и казалось, будто пол пульсирует под ногами. Я тащился, причем без всякого кокса, рабочая неделя выдалась напряженной, и в тот день мне наконец удалось решить все вопросы, голова кружилась от радости, я ловил себя на том, что тараторю как заведенный и несколько картинно подношу ко рту бокал пива. Сидевшая за соседним столиком красивая брюнетка то и дело поглядывала на меня, недвусмысленно улыбалась, когда мы встречались глазами; я вовсе не собирался подкатывать к ней, у меня была девушка, и я не хотел ей изменять, но было приятно сознавать, что я не утратил обаяния.

— Она на тебя глаз положила. — Деклан кивнул на брюнетку, которая, запрокинув голову, театрально расхохоталась над шуточной подруги.

— У нее хороший вкус.

— Как там Мелисса? — спросил Шон, на мой взгляд, безо всякой нужды. Даже если бы у меня не было Мелиссы, брюнетка — не мой тип, слишком уж вызывающие формы, едва сдерживаемые винтажным красным платьем, такая куда уместнее в прокуренном “Голуазом” бистро, где парни дрались бы за нее на ножах.

— Лучше всех, — ответил я чистую правду. — Как всегда.

Мелисса была полной противоположностью брюнетки: невысокая, милая, с копной растрепанных светлых волос и россыпью веснушек, она любит все, что радует и ее, и окружающих, — носит яркие платья из пестрого ситца, печет хлеб, танцует под любые песни, что крутят по радио, на пикник прихватывает тканевые салфетки и какой-нибудь невообразимый сыр. Мы не виделись несколько дней, и я отчаянно скучал по Мелиссе, по ее смеху, по ее манере утыкаться носом мне в шею, по ее пахнущим жимолостью волосам.

— Она клевая, — многозначительно заметил Шон.

— Ага. Я же только что сказал, она лучше всех. Я с ней встречаюсь, кому, как не мне, знать, что она клевая. Она и вправду клевая.

— Ты что, под спидами? — спросил Дек.

— Не, это меня от тебя так прет. Чувак, ты сам чистейший, белейший колумбийский...

— Точно, под спидами. А ну делись, засранец.

— Я чист как задница младенца.

— Тогда чего ты пялишься на эту телку?

— Она красивая. Мужчина может любоваться красотой безо всякого...

— Ясно, кофе перебрал, — сказал Шон. — Пей лучше пиво, хоть в себя придешь.

Он указал на мою пинту.

— Ради тебя — что угодно, — ответил я и залпом допил все, что оставалось в бокале. — Уххх.

— Она роскошна. — Дек пожирал глазами брюнетку. — Эх, жаль.

— Так вперед, — сказал я, хотя знал, что Дек, как всегда, заробеет.

— Ладно.

— Давай. Пока она отвернулась.

— Она же не на меня смотрела. А на тебя. Как обычно.

Дек, нервный коренастый очкарик с буйными непослушными медными волосами, выглядит неплохо, но отчего-то убедил себя в обратном — с предсказуемыми последствиями.

— Эй, на меня девушки тоже заглядываются, — с притворной обидой заметил Шон.

— Еще как заглядываются. Гадают, слепой ты или напялил эту рубашку на спор.

— Зависть. — Шон печально покачал головой. Высокий, метр девяносто, с круглым открытым лицом и выпирающими мускулами, которые только-только начинали обмякать; женщины и правда частенько обращали на него внимание, но им ничего не светило, потому что Шон много лет, еще со школы, счастлив с одной девушкой. — Страшная штука.

— Не парься, — успокоил я Дека. — Все у тебя наладится. Уж после такого... — и я еле заметным кивком указал на его голову.

— После какого “такого”?

— Сам знаешь. — Я коснулся своих волос.

— Да о чем ты?

Я наклонился над столом и проговорил вполголоса:

— О пересадке волос. Молодчина, чувак.

— Да не делал я пересадку!
— Тут нечего стесняться. Сейчас все звезды это делают.
И Робби Уильямс. И Боно.

Дек, разумеется, разозлился еще сильнее.

— Вы охренели? У меня все волосы свои!
— И я об этом. Выглядят как натуральные.
— Чисто натуральные, — поддакнул Шон. — Никто и не заметит. Отлично смотрится.

— Никто не заметит, потому что ничего и нет. Я не делал...
— Да ладно тебе, — перебил я. — Вон же они. Тут и...
— Отвали!
— Придумал! Давай спросим у твоей красотки. — И я помахал брюнетке.

— Нет. Нет-нет-нет. Тоби, я не шучу, я тебя убью. — Дек попытался схватить меня за руку, но я увернулся.

— Чем не тема для подката, — в тон мне заметил Шон. — Ты же не знал, как с ней заговорить. Вот тебе пожалуйста.

— Идите в жопу. — Дек встал, отчаявшись перехватить меня за руку. — Мудаки вы конченные, поняли?

— Эй, Дек, — воскликнул я, — не уходи!
— В сортир я. А вы пока успокойтесь. Давай, клоун, — он посмотрел на Шона, — твоя очередь.

— Решил проверить, все ли на месте, — сказал мне Шон, проведя по линии волос. — Ты всё испортил. Этот аж вон куда уполз...

Дек показал нам средний палец и, притворившись, будто не замечает ни нашего хохота, ни брюнетки, стал протискиваться к туалету меж отключенных задниц и рук с пивными стаканами.

— Прикинь, он и правда повелся, — ухмыльнулся Шон. — Ваще. Повторим? — Он направился к барной стойке.

Оставшись один за столом, я написал Мелиссе: *Пью пиво с парнями. Позвоню позже. Люблю тебя.* Она тут же ответила: *Я продала то стимпанковское кресло! — и россыпь эмодзи с салютом. — Позвонила дизайнеру, она расплакалась от счастья, и я с ней чуть не разревелась. : —) Ребятам привет. Люблю тебя ххххх.* У Мелиссы в Темпл-Баре свой магазинчик, который продает работы ирландских дизайнеров, всякие странные штуки: прикольные наборы из сообщающихся фарфоровых ваз, кашемировые пледы кислотных расцветок, самодельные ручки для